

США – Китай: фактор экономической безопасности усиливает геоэкономическую фрагментацию

Кузьмин Владимир Алексеевич – магистр факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; E-mail: vlmrkuzmin@gmail.com

Портанский Алексей Павлович – к.э.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Российская Федерация, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17; E-mail: aportanskiy@hse.ru

Аннотация

Торгово-политическое противостояние США и Китая внесло решающий вклад в формирование феномена геоэкономической фрагментации как процесса нарушения сложившихся торгово-экономических связей между государствами, начавшегося в результате Мирового финансового кризиса 2008-2009 гг.. Однако проблемы, возникающие в связи с эволюцией данного явления, его возможные формы и последствия для экономического мироустройства остаются недостаточно изученными. Целью данного исследования являлась оценка влияния фактора экономической безопасности в торговой политике США и Китая на формирование феномена геоэкономической фрагментации, а также оценка динамики развития данного феномена вне рамок противостояния США и КНР.

В ходе исследования для формализации торгового аспекта геоэкономической фрагментации использовалась процедура построения композитного индекса. Данные, отобранные в рамках методологии исследования, содержат торговые показатели для 120 стран с 2008 по 2022 год.

В итоге авторы пришли к выводу, что фактор экономической безопасности в торговой политике США и КНР, действительно, стал катализатором геоэкономической фрагментации, и, несмотря на снижение его влияния на данный процесс в период с 2018 по 2020 год, в настоящий момент страны остального мира продолжают играть меньшую роль в его эволюции и развитии. Наконец, авторы выражают надежду, что их исследование будет способствовать лучшему пониманию концепции геоэкономической фрагментации и привлечет внимание политиков и экономистов к необходимости реформирования многосторонних институтов.

Ключевые слова: мировая экономика, деглобализация, фрагментация экономики, экономическая безопасность США, Китай

Введение

Поворотной точкой, после которой глобальная экономика сменила вектор своего развития со стимулирования международной кооперации, характерного для второй половины XX века, на замедление интеграционных процессов (обозначаемое в научной литературе в последние годы термином “slowbalization”), принято считать глобальный финансовый кризис 2008-2009 годов. Его результатом явилось стремление ключевых игроков на международной арене к созданию более автономных национальных экономик и обеспечению экономической безопасности с целью избежать столь высоких издержек в случае повторения подобных глобальных потрясений. Позднее это поспособствовало нарастанию противоречий между лидерами мировой экономики – США и Китаем – и торговой войне, ставшей катализатором общего роста популярности протекционистских настроений в их современном виде. Эти процессы привели к общей фрагментации мировой экономики, которую принято называть геоэкономической.

Геоэкономическая фрагментация находит свое отражение как в тенденции отдельных государств все больше пренебрегать экономическими связями друг с другом в интересах национальной экономики, так и в целом в неспособности мирового сообщества эффективно противостоять глобальным вызовам. Первый аспект геоэкономической фрагментации наглядно

проявляется в отношениях ключевых игроков в глобальной экономике, а именно США, Китая и ЕС между собой и их стремлении ограничить конкурентоспособность друг друга. Второй же аспект фрагментации всё больше ощущается в неспособности глобальных институтов эффективно справляться со своими задачами в условиях запроса и объективной необходимости более значительной представленности развивающихся стран в международных организациях. Кроме того, именно взаимодействие в рамках мирового сообщества наиболее сильно зависит от той связи, которая сложилась между геоэкономикой и геополитикой сегодня. Невозможность преодоления ряда глобальных вызовов, среди которых – продовольственный кризис и экологические проблемы – в первую очередь связана именно с политическим аспектом и тем, как он формирует экономические стратегии государств сегодня.

Несмотря на глобальный характер геоэкономической фрагментации и тот факт, что она находит свое отражение в большинстве процессов, затрагивающих мировую экономику, ведущим фактором развития данного феномена стали отношения Соединенных Штатов и Китая в рамках противостояния за лидерство в мировой экономике и стремление, в первую очередь США, обеспечить собственную экономическую безопасность. Однако вместе с динамикой данного феномена также развиваются и формы его проявления, а также множатся аспекты глобальной экономики, на которые фрагментация оказывает свое влияние. В данном контексте первостепенным становится вопрос, насколько в настоящее время геоэкономическая фрагментация выходит за рамки противоречий США-КНР, превращаясь в самостоятельный глобальный процесс.

Целью данного исследования являлась оценка влияния фактора экономической безопасности в торговой политике США и Китая на формирование феномена геоэкономической фрагментации, а также оценка динамики развития данного феномена вне рамок противостояния США и КНР. На основе анализа предпринята попытка выявления ключевых характеристик эволюции процесса фрагментации и предложения путей преодоления его негативных последствий для мировой экономики.

Фрагментация мировой экономики как элемент процесса деглобализации

А. Причины и предпосылки геоэкономической фрагментации в XXI веке

По мнению экспертов МВФ, геоэкономическая фрагментация представляет собой “изменение направление процесса интеграции через реализацию политики, зачастую руководствующейся стратегическими соображениями” [Aiyar et al., 2023]. Традиционно поворотной точкой в XXI веке, когда начался процесс замедления интеграционных процессов в мировой экономике, считают глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг. Действительно, если проанализировать динамику показателя доли торговли в мировом ВВП с 1970 по 2022 год, что часто рассматривается экспертами в качестве одного из базовых индикаторов уровня международной интеграции, то можно заметить, что после 2008 г. значение показателя перестало расти (Рис. 1). Кроме того, следует отметить, что 80% общего роста данного показателя пришлось на период с 1986 по 2008 год – период гиперглобализации [Antràs, 2024]. При этом прогнозные значения на основе данного временного отрезка для 2009-2022 гг. были выше, чем они оказались на самом деле. Аналогичные результаты также могут быть получены и для показателей, отражающих движение финансовых потоков в мировой экономике (Рис. 2).

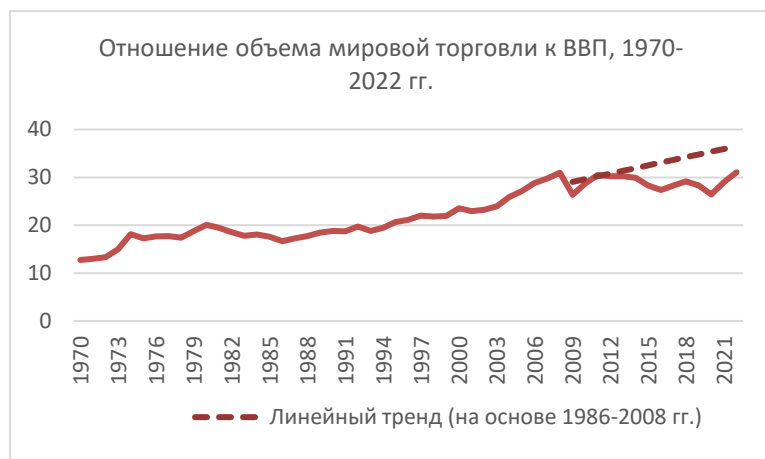

Рисунок 1. Отношение объема мировой торговли к ВВП

Рисунок 2. Отношение объема мировых прямых иностранных инвестиций к ВВП

Источник: World Bank Development Indicators [Электронные ресурсы]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения 09.03.2024).

Если рассматривать прямые финансовые причины столь прочной связи кризиса 2008 – 2009 гг. и последующей за ними геоэкономической фрагментации, то их можно выделить несколько: во-первых, уровень неприятия рисков в финансовой сфере стал гораздо выше в результате кризиса, во-вторых, макропруденциальная политика государств, направленная на смягчение последствий кризиса, привела к снижению притока капитала в их экономики, в-третьих, помощь со стороны государств стимулировала экономических агентов пользоваться финансовыми услугами внутри своих национальных экономик [Portes et al., 2020]. При этом следует понимать, что связь кризиса и процесса дезинтеграции проявляется также и в более общем изменении парадигмы восприятия взаимозависимости в рамках мировой экономики и стремлении государств к обеспечению экономической безопасности. Так, по мнению Европейской Комиссии, “кризис показал, что финансовые взаимосвязи между государствами могут быть слишком дестабилизирующими”¹.

Таким образом, мировой финансовый кризис заложил фундамент для последовавшего за ним дальнейшего замедления процесса интеграции в мировой экономике, став основной предпосылкой геоэкономической фрагментации. Важнейшим последствием кризиса 2008-2009 гг. явилось развитие представлений об опасности международной экономической взаимозависимости, наиболее ярким проявлением которых стала торговая война между США и Китаем, спровоцировавшая в контексте геоэкономических и геополитических вызовов новый виток маховика глобального протекционизма [Портанский, 2024].

В академической среде все более активно исследуется вопрос разделения глобальной экономики на блоки, основанные на торговой политике государств, которая все чаще диктуется геополитическими интересами. Например, в статье авторов из МВФ западный, восточный и блок нейтральных государств определяются на основании позиции страны в рамках голосования по вопросу приостановления права членства Российской Федерации в Совете ООН по правам человека 7 апреля 2022 г. [Campos et al., 2023]. Схожий подход используют экономисты ВТО, определяя принадлежность страны к западному или восточному блоку в зависимости от совпадения ее мнения по тем или иным вопросам внешней политики с США (западный блок), либо с Китаем (восточный блок) [Góes & Bekkers, 2022]. При этом результаты обоих исследований говорят о негативном эффекте

¹ European financial stability and integration review. — : European Commission Staff Working Document, 2015. — P. 1-224p. — Текст : непосредственный.

разделения мировой экономики на блоки – падение торговли между глобальными блоками на 57% в крайних сценариях, по мнению авторов из МВФ, а также снижение благосостояния в некоторых регионах на 12% (по мнению авторов из ВТО).

Тесно связанным с подобным разделением мировой экономики на блоки также стал кризис глобальных институтов, Всемирного Банка, МВФ и ВТО, которые служили залогом функционирования мирового порядка, основанного на правилах (“Rules-Based Order”). Невозможность разрешения торгового конфликта между США и Китаем с помощью традиционных инструментов ВТО явилась наиболее ярким свидетельством ослабления ВТО, в частности, нормального функционирования механизма разрешения споров [Портанский, 2024]. При этом, например, остановка функционирования Апелляционного Органа ВТО с 2019 года оценивается экспертами также как следствие смещения баланса сил в мировой экономике в целом, способное повлечь за собой целый ряд новых торговых войн и упадок сложившейся международной торговой системы [Калачигин, 2021].

В подобных условиях процесс либерализации глобальной экономики смещается в рамки преференциальных торговых соглашений между странами, что способствует дальнейшей фрагментации мировой системы. Число региональных торговых соглашений выросло с 98 в 2000 году до 365 в 2024, а крупнейшие мега-региональные торговые партнерства, такие как Транстихоокеанское (ВПТП/СРТПР) и Всеобъемлющее региональное экономическое (ВРЭП/RCER), уже сегодня иллюстрируют изменение подхода к возможным формам и, что особенно важно в контексте геоэкономической фрагментации, - границам интеграции. Об экзистенциальной угрозе либеральному мировому порядку, которую порождают подобные формы международной кооперации, эксперты заявляли еще до начала нового витка протекционизма, например в 2013 г., подчеркивая, что “появление все более мощных мегаблоков может сделать невозможным многосторонний прогресс даже в поверхностных усилиях по либерализации” [Blanchard, 2013].

Обозначенные выше тенденции развития мировой экономики поспособствовали появлению феномена геоэкономической фрагментации и сформировали ее на текущем этапе развития. Таким образом, расширяя определение, данное МВФ, можно сказать, что геоэкономическая фрагментация – это совокупность процессов, во-первых, нарушения экономических связей между государствами в связи с ориентацией на политику экономической безопасности и снижения взаимозависимости, а, во-вторых, разделения мировой экономики на мега-блоки, вызванного утратой влияния международных институтов и геополитическими интересами.

Б. Эволюция концепта экономической безопасности в контексте нарушения глобальных торгово-экономических связей

В посткризисном мире восприятие проблемы экономической безопасности в массовом сознании и среди политических элит во многом формирует политику государств на международной арене, что особенно проявилось в контексте формирования запроса на снижение взаимозависимости. В наиболее общих чертах экономическая безопасность определяется экспертами ОЭСР как степень уязвимости перед экономическими издержками [Stiglitz, 2018]. Действительно, изначально понятие экономической безопасности было неразрывно связано с нейтрализацией итогов больших кризисов, как это произошло в 30-х годах XX века в процессе реализации президентом США Ф.-Д. Рузвельтом политики нового курса, – наглядным примером этого стало создание Федерального комитета по экономической безопасности в 1934 г. В 1970-х в связи с увеличением темпов гонки вооружений между США и СССР в ведущих странах мира понятие экономической безопасности стало также неразрывно связано с действиями государств на международной арене, с их политикой в отношении друг друга и формами воздействия на национальные экономики. Подобное понимание вопроса экономической безопасности прослеживается и в определении геоэкономики, данном Эдвардом Люттваком, как “преследовании враждебных целей коммерческими средствами” [Luttwak, 1990]. К концу XX

века восприятие концепта экономической безопасности формируется уже под влиянием теорий экономического роста, конкурентоспособности и человеческого капитала [Karavaeva, 2021]. Например, профессор Гарвардской школы бизнеса М. Портер связывал экономический рост страны с ее способностью конкурировать на международной арене, обеспечивая при этом экономическую стабильность для населения [Porter, 1990].

В XXI веке экономическая безопасность стала все чаще ассоциироваться с социальными вопросами и предоставлением равных возможностей всем экономическим агентам. Так например, Международная организация труда, являющаяся специализированным учреждением ООН, относит к ключевым составляющим экономической безопасности “социальное обеспечение, определяемое доступом к базовой инфраструктуре, касающейся здравоохранения, образования, жилья, информации и социальной защиты, а также безопасности на работе”².

В последние годы понимание экономической безопасности изменяется под влиянием глобальных событий, таких как кризис 2008-2009 гг., пандемия Covid-19 и начало военных действий в Украине, становясь все более связанным с вопросами геополитики. В определенной степени можно сказать, что сегодняшнее восприятие данного концепта является переосмыслением того, как экономическая безопасность определялась во время Холодной войны. Например, заявленная в Стратегии национальной безопасности США 2017 г. концепция “экономическая безопасность – это национальная безопасность” иллюстрирует не только стратегическую значимость данного вопроса, но и те инструменты, которые Соединенные Штаты готовы применять для его решения, включая различные геополитические рычаги давления³.

Кроме растущей значимости политического аспекта, современный этап развития концепции экономической безопасности также характеризуется стремлением государств к обеспечению технологического суверенитета, определяемого экспертами как “способность государства предоставлять технологии, которые они считают критически важными для своего благосостояния и конкурентоспособности, а также иметь возможность разрабатывать их или получать их от других экономических агентов без односторонней структурной зависимости” [Edler et al., 2020]. Наглядными примерами подобной политики в последние годы стали американский и европейские законодательные акты CHIPS Act, направленные на привлечение инвестиций в наиболее инновационные отечественные отрасли.

Таким образом, можно сказать, что на современном этапе концепция экономической безопасности развивается под влиянием последствий геополитической нестабильности и стремления стран к обеспечению конкурентоспособности, особенно в сфере высоких технологий. Подобный подход к данной проблеме со стороны ведущих экономик мира уже сегодня ведет к фрагментации глобальной экономической системы, в основном через нарушение торговых связей, и, вероятно, будет способствовать дальнейшему замедлению интеграционных процессов в будущем.

² ILO Socio-Economic Security Programme Definitions: What we mean when we say “economic security” / ILO Socio-Economic Security Programme [Электронный ресурс] // International Labour Organization : [сайт]. — URL: <https://webapps.ilo.org/public/english/protection/ses/download/docs/definition.pdf> (дата обращения: 06.05.2024).

³ The White House National Security Strategy of the United States of America / The White House [Электронный ресурс] // National Archives : [сайт]. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 06.05.2024).

Влияние политико-экономических отношений США и Китая на стабильность глобальной экономической системы

А. Фактор экономической безопасности в торговой войне США и Китая

Главенствующая роль торгового конфликта США и КНР в развитии феномена геоэкономической фрагментации обосновывается не только тем фактом, что последствия ограничительной политики стран в отношении друг друга повлияли на всю мировую экономику, но и тем, что их конфликт в значительной степени сформировал современное понимание проблемы экономической безопасности. При этом природа конфликта Соединенных Штатов и Китая и аспекта экономической безопасности в рамках данного противостояния остается уникальной, во многом определяя ландшафт мировой экономики сегодня.

На начальном этапе становления отношений между современным Китаем и Соединенными Штатами, произошедшем после реформ Дэн Сяопина, сотрудничество представлялось обеим странам как взаимовыгодный союз, ведущий к росту благосостояния. Однако вместе с развитием КНР и укреплением взаимозависимости двух государств в США возростали сомнения относительно последствий подобной политики, которая могла привести к становлению новой глобальной экономической силы. При этом в качестве угрозы со стороны КНР американским элитам виделся не только сам факт возможного китайского лидерства в мировой экономике, но и связь быстрого развития Китая с авторитарными политическими практиками, используемыми в данной стране.

Именно подобное противоречие с американскими идеалами либерализма формировало представления о потенциальном ущербе экономической безопасности Соединенных Штатов в рамках отношений с Китаем на рубеже веков. Следствием подобных представлений американских элит о нарастающей угрозе китайской гегемонии стало учреждение в 2000 году Американо-китайской комиссии по обзору экономики и безопасности, целью которой являлся мониторинг, расследование и представление Конгрессу ежегодного отчета о последствиях для национальной безопасности торгово-экономических отношений между Соединенными Штатами и Китайской Народной Республикой⁴. Новый виток данного противостояния случился после инициирования администрацией Обамы так называемой "политики поворота в Азию" ("Pivot to Asia"), формально заключавшейся в укреплении институтов международной интеграции США и развивающихся азиатских стран, что было воспринято китайскими элитами как попытка сдерживания растущего влияния Китая в регионе. На том этапе развития отношений США и Китая в Соединенных Штатах окончательно сформировалось восприятие возможного неоднполярного мира как угроза американским интересам, а, следовательно, и экономической безопасности.

Отсутствие согласия между державами привело к неизбежному усилению конфликтных настроений в обоих государствах, что вкупе с приходом к власти в 2017 г. Дональда Трампа, известного своей протекционистской и антикитайской риторикой, обозначило новую стадию в противостоянии США и КНР. Действительно, поначалу привлекательная для американских потребителей в XXI веке роль Китая как «конечного производителя» начала вызывать у граждан США опасения, связанные с безработицей и неконкурентоспособностью. Исходя из собственных экономических интересов, американские компании предпочитали дешевую рабочую силу в таких странах, как Китай, называя снижение издержек главным стимулом переноса своего производства за рубеж⁵. Обозначенная выше тенденция привела к тому, что на волне протекционистских настроений администрация Трампа инициировала введение ряда пошлин, например на импорт солнечных батарей и компонентов (23 января 2018 года) и на импорт стали

⁴ Federal Register. U.S.-China Economic and Security Review Commission // Federal Register. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalregister.gov/agencies/u-s-china-economic-and-security-review-commission> (дата обращения 06.05.2024).

⁵ Deloitte Global Outsourcing Survey 2020 // Deloitte. 2020.

и алюминия (23 марта 2018 года), что побудило Китай ответить аналогичными мерами и привело к началу торговой войны.

Пришедшая на смену Д. Трампу администрация Джо Байдена, несмотря на ожидания разрядки в отношениях США и Китая, продолжила вести политику ограничения китайского влияния и обвинений КНР в нарушении рыночных принципов торговли, что подтвердило растущую долгосрочную угрозу американской экономической безопасности вследствие тенденции формирования китайского лидерства в мировой экономике. При этом, несмотря на признание со стороны действующей администрации США значимости этой угрозы, Джо Байден формально осудил протекционистскую политику Дональда Трампа, заявив в ходе предвыборной кампании 2020 г., что столь жесткие тарифные ограничения привели к серьезным издержкам американских производителей⁶. В связи с этим претерпела изменения сама стратегия сдерживания Китая, ориентиром которой, согласно заявлению Байдена на Мюнхенской конференции по безопасности 2021 г., стала активизация отношений с традиционными партнерами США в лице Европы и стран Азии и совместное противостояние “экономическому злоупотреблению и принуждению со стороны китайского правительства, подрывающему основы международной экономической системы”⁷.

Соединенные Штаты также меняют подход и к стимулированию национальной экономики и внутреннего производства. Наглядной иллюстрацией изменяющегося подхода стали Inflation Reduction Act, Infrastructure Investment and Jobs Act и CHIPS Act – законодательные акты, предполагающие инвестиции в размере 2 трлн. долларов в ключевые отрасли экономики. В то же время, кроме решения проблемы потери рабочих мест и утекания крупного капитала из США, указанные инициативы направлены и на снижение зависимости Соединенных Штатов от Китая через ограничение инвестиционных и торговых потоков.

Таким образом, ключевым аспектом экономической безопасности в рамках торговой войны США и Китая стало стремление Соединенных Штатов не допустить расширения влияния КНР в мировой экономике вместе с восприятием многополярного мира в качестве экзистенциальной угрозы. Китайская сторона, в свою очередь, в основном проводила реактивную политику сначала в отношении протекционистских торговых инициатив администрации Дональда Трампа, а затем стратегии налаживания отношений с партнерами и привлечения инвестиций Джо Байдена, воспринимая потерю столь значимого рынка, как американский, в качестве рисков для своей экономической безопасности.

Б. Поляризация мировой экономики как результат развития политико-экономических отношений США и Китая

Сложившиеся противоречия между двумя лидерами мировой экономики США и Китаем и различные формы их конфронтации как в рамках международной торговой системы, так и за ее пределами неминуемо оказывают влияние также на поведение других государств в сфере экономической политики. Более того, зачастую Соединенные Штаты и КНР, используя свою рыночную власть, принуждают остальные страны в том или ином виде выбрать сторону данного конфликта, что ведет к поляризации всей мировой экономики. При этом тесные финансовые и торговые связи между государствами, сформировавшиеся еще в эпоху гиперглобализации, ограничивают процесс разделения мира на два лагеря, создавая принципиальное отличие современной системы от той, что имела место во времена Холодной войны. В связи с этим формы

⁶ CNN Read: Joe Biden’s remarks as prepared for delivery in Iowa / CNN [Электронный ресурс] // CNN : [сайт]. — URL: <https://edition.cnn.com/2019/06/11/politics/joe-biden-iowa-remarks/index.html> (дата обращения: 06.05.2024).

⁷ The White House Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference / The White House [Электронный ресурс] // The White House : [сайт]. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/> (дата обращения: 06.05.2024).

и проявления феномена поляризации на текущем этапе его развития также являются значимым элементом геоэкономической фрагментации.

В первую очередь, рассматривая место США и Китая в процессе условного разделения мировой экономики на два конкурирующих лагеря, стоит обратить внимание на степень ориентации ключевых игроков на международной торговой арене на ту или иную сторону в складывающемся противостоянии. Так, динамика торговли, проиллюстрированная на рисунках 3, 4 и 5, свидетельствуют о том, что сегодня происходит изменение ориентации ряда значимых стран в рамках торговых отношений с гегемонами мировой экономики, в частности, Канада и Мексика активнее развивают отношения с Китаем, в то время как Япония и Южная Корея, наоборот, с Соединенными Штатами. В то же время наблюдается также и стремление к сохранению традиционных партнерств – доля торговли с США для стран ЕС растет. Это является следствием не только поиска новых рынков со стороны США и Китая, но и попыток сдерживания друг друга через усиление собственного влияния в регионе конкурента. Хотя само по себе данное явление не может говорить об усугублении процесса поляризации (а в определенной степени, наоборот, является признаком диверсификации торговых потоков), в контексте описанных далее тенденций оно может привести к нарушению исторически сложившихся торговых связей, разрушению глобальных цепочек добавленной стоимости и последующей фрагментации мировой экономики.

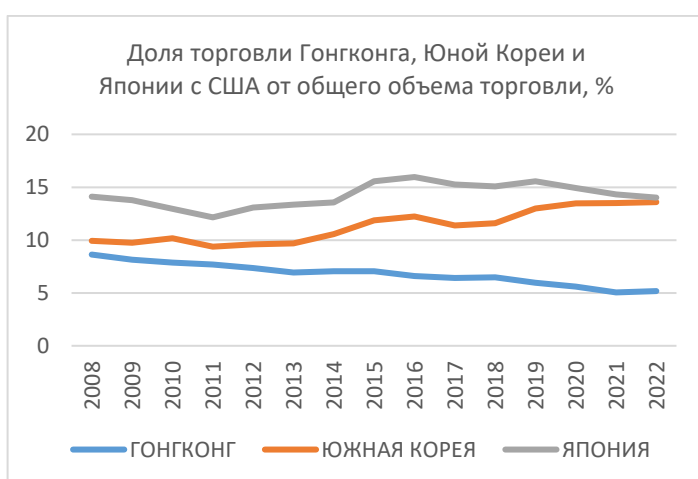
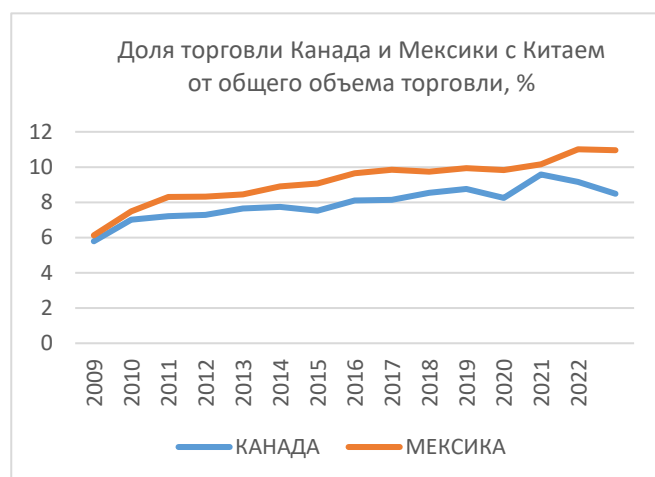
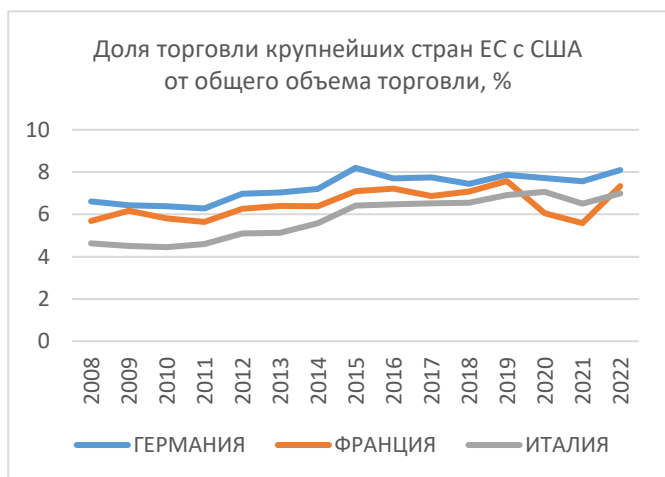

Рисунок 3. Доля торговли крупнейших стран ЕС с США от общего объема торговли, %

Рисунок 4. Доля торговли Канады и Мексики с Китаем от общего объема торговли, %

Рисунок 5. Доля торговли Гонгконга, Южной Кореи и Японии с США от общего объема торговли, %

Источник: *World Integrated Trade Solution* [Электронные ресурсы]. URL: <https://wits.worldbank.org/WITS/WITS/Restricted/Login.aspx> (дата обращения 12.04.2024).

Одной из наиболее важных тенденций, иллюстрирующих феномен поляризации и объясняющих динамику торговых показателей, представленную выше, является “френдшоринг”, то есть перевод страной цепочек поставок стратегически значимых продуктов в юрисдикции, которые являются не только ее экономическими, но и геополитическими партнерами и разделяют с ней одни ценности. Изначально с тезисом о необходимости использования данной стратегии выступила Министр Финансов США Джанет Йелен в апреле 2022 г. на Атлантическом Совете. В своей речи она подчеркнула важность снижения зависимости Соединенных Штатов от стран, которые могут представлять для них угрозу, в частности от Китая, через углубление партнерства с геополитическими союзниками⁸. В подобном контексте и с учетом значимости США и их союзников для мировой экономики, френдшоринг представляется ещё одним инструментом экономической политики Соединенных Штатов, направленным на сдерживание КНР и ее возможных партнеров в рамках международной торговой системы, что несомненно ведет к ее поляризации. Так например, одним из проявлений обозначенного выше углубления партнерских отношений США и ЕС (после провала проекта ТТИП/TTIP) стал Совет по торговле и технологиям (U.S.-EU Trade and Technology Council), целью которого заявлена “координация подходов к ключевым глобальным торговым, экономическим и технологическим вопросам”⁹. При этом, исходя из заявлений представителей данной структуры, можно сделать вывод, что задача сдерживания КНР и ограничения зависимости стран Запада от нее является одной из первоочередных¹⁰. Аналогичные инициативы по развитию стратегии френдшоринга Соединенные Штаты также пытаются развивать и в азиатском регионе, в частности с ключевыми торговыми партнерами Китая. Так, в марте 2022 года Джо Байден инициировал проект союза четырех стран (Chip 4 Alliance) – США, Южной Кореи, Японии и Тайваня – целью которого является реструктуризация глобальных цепочек торговли полупроводниками, ведущая к снижению роли КНР. Китай, в свою очередь, также принимает ответные меры. Как уже было сказано ранее, значимость КНР для канадского и мексиканского рынка растет, а Европейский Союз по заявлению Си Цзиньпина в рамках встречи с председателем Европейской комиссии Урсулой фон дер Ляйен и председателем Европейского совета Шарлем Мишелем, готов рассматриваться Китаем в качестве ключевого партнера в торгово-экономическом сотрудничестве¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что поляризация мировой экономики во многом происходит из-за тех инструментов ограничительной политики, которые используют США с целью подрыва конкурентоспособности Китая. Стратегия френдшоринга, с одной стороны, служит основой для укрепления союзнических отношений с традиционными партнерами Соединенных Штатов и усиления их влияния в Азии, но, с другой, является угрозой для стабильности всей торговой системы. В то же время КНР как второй полюс данного конфликта все еще старается придерживаться намерений по расширению своих торговых связей с

⁸ U.S. Department Of The Treasury Remarks by Secretary of the Treasury Janet L. Yellen on Way Forward for the Global Economy / U.S. Department Of The Treasury [Электронный ресурс] // U.S. Department Of The Treasury: [сайт]. — URL: <https://home.treasury.gov/news/press-releases/jy0714#:~:text=We%20cannot%20allow%20countries%20to,work%20better%20for%20American%20workers.> (дата обращения: 06.05.2024).

⁹ European Commission EU-US Trade and Technology Council / European Commission [Электронный ресурс] // European Commission : [сайт]. — URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world/eu-us-trade-and-technology-council_en (дата обращения: 06.05.2024).

¹⁰ The White House U.S.-EU Joint Statement of the Trade and Technology Council / The White House [Электронный ресурс] // The White House : [сайт]. — URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/12/05/u-s-eu-joint-statement-of-the-trade-and-technology-council/> (дата обращения: 06.05.2024).

¹¹ Bloomberg News Xi Tells EU Leaders China Wants to Be ‘Key Partner’ on Trade / Bloomberg News. 07.02.2023. [Электронный ресурс] // Bloomberg : [сайт]. — URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-12-07/xi-tells-eu-leaders-the-two-sides-must-work-on-political-trust> (дата обращения: 06.05.2024).

максимально возможным числом стран, однако в контексте описанных выше действий США ожидается, что это будет делать все труднее.

О методологии исследования

Обозначенные в данном исследовании особенности развития международной торговли, формирующиеся под влиянием эволюции концепции экономической безопасности, а также в контексте противостояния США и Китая за лидерство в мировой экономике, являются одной из наиболее значимых характеристик геоэкономической фрагментации. В то же время на текущий момент данное понятие страдает от нехватки формализации в академических исследованиях, в том числе в виде оценки динамики его развития с помощью математического аппарата и эконометрических инструментов, что в значительной степени осложняет его изучение. В этой связи в рамках данной работы применена методология построения композитного индекса для оценки торгового аспекта геоэкономической фрагментации и дальнейшего рассмотрения этапов его развития. С точки зрения авторов, это позволяет достичь основной цели исследования, заключающейся в оценке влияния фактора экономической безопасности в торговой политике Соединенных Штатов и Китая на формирование феномена геоэкономической фрагментации, а также анализе динамики данного явления за рамками отношений США-КНР.

В первую очередь теоретической базой для композитного индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации служит описание различных его составляющих, представленное выше в данной работе и отраженное в авторском определении фрагментации как совокупности процессов, во-первых, нарушения экономических связей между государствами в связи с ориентацией на политику экономической безопасности и снижения взаимозависимости, во-вторых, разделения мировой экономики на мега-блоки, вызванного утратой влияния международных институтов и геополитическими интересами.

В качестве инструментария для построения индекса используются методы, изложенные в справочнике ОЭСР по построению композитных индикаторов¹². Выбранной процедурой в рамках данного исследования является факторный анализ с использованием метода главных компонент с вращением варимакс и подсчетом оценок факторов методом регрессии со стандартизацией. Таким образом, значение факторов будет иллюстрировать степень отклонения страны в положительную или отрицательную сторону от среднего уровня данного фактора в мире за весь исследуемый период.

Данные, применяемые для факторного анализа, представляют из себя 12 показателей для 120 стран мира по годам за период с 2008 по 2022 год (См.: приложение 1). Государства были отобраны на основе критерия наличия данных в используемых источниках (World Bank Development Indicators, IMF Database, World Integrated Trade System, Global Trade Alert Database) в исследуемый период. Временные рамки анализа определяются тем фактом, что традиционно под началом первого этапа геоэкономической фрагментации понимают Мировой финансовый кризис 2008-2009 гг.

В качестве параметров, использующихся для дальнейшего факторного анализа, а также способных отразить основные проявления геоэкономической фрагментации, были отобраны следующие индикаторы:

Первая группа параметров иллюстрирует общее нарушение экономических связей в международной торговле:

- 1) Доля торговли страны в ее ВВП
- 2) Доля потребления страны в ее ВВП

¹² Joint European Commission Handbook on constructing composite indicators / Joint European Commission — Paris : OECD, 2008. — ISBN 9789264043459. — Text : direct.

- 3) Доля традиционной торговли страны от всей ее торговли
- 4) Индекс рыночной концентрации Херфиндаля — Хиршмана
- 5) Индекс продуктовой концентрации

Вторая группа параметров иллюстрирует уровень протекционизма страны в современной международной торговле:

- 6) Уровень покрытия импорта страны тарифами
- 7) Уровень покрытия импорта страны субсидиями
- 8) Уровень покрытия импорта страны экспортными мерами

Третья группа параметров иллюстрирует торговую поляризацию государств в рамках противостояния США-КНР:

- 9) Доля торговли страны с США во всей ее торговле
- 10) Доля торговли страны с КНР во всей ее торговле

Четвертая группа параметров иллюстрирует степень разделения международной торговли на региональные блоки:

- 11) Количество региональных торговых соглашений, в которых участвует страна
- 12) Доля торговли страны с региональными партнерами во всей ее торговле

Таким образом, результаты проведения факторного анализа и дальнейшего построения композитного индекса для каждой из 120 стран позволяют получить значение, которое отражает уровень ее фрагментации в рамках международной торговли относительно среднемирового. При этом для США и Китая, как уже говорилось ранее, изменение отобранных выше параметров по большей части диктуется именно проблематикой экономической безопасности, что позволяет отследить вклад данного концепта в представлении этих двух государств в общее развитие феномена геоэкономической фрагментации.

Интерпретация результатов

Главные компоненты выделялись на основе их собственного значения (больше, чем 1). Значение КМО-критерия для отобранных параметров равняется 0,6, что свидетельствует о релевантности применения факторного анализа (См.: приложение 2). В результате анализа выделились 4 фактора, вместе описывающих 64% совокупной дисперсии (См.: приложение 3). Исходные параметры разделились на факторы следующим образом (Рис. 6): первый фактор иллюстрирует регионализацию торговли как элемент геоэкономической фрагментации; второй фактор показывает уровень общего нарушения торговых связей, в том числе в связи с традиционными протекционистскими мерами; третий фактор иллюстрирует ориентацию государств на торговлю с КНР, а также такую особенность, что странам, для которых Китай играет значимую роль в торговле, часто приходится сталкиваться с мерами экспортной поддержки со стороны азиатского гегемона; четвертый фактор иллюстрирует ориентацию государств на торговлю с США.

Повернутая матрица компонент^а

	Компонент			
	1	2	3	4
Regional_Orientation	,520	-,439	-,231	,132
#_of_RTAs	,805	-,406	,046	-,184
Product_Concentration	-,765	-,176	,106	,134
Subsidy_Share_Covered	,751	-,051	,364	-,024
Trade_as_%_of_GDP	,067	-,817	-,005	-,070
TT_as_of_%_GDP	-,149	,719	,227	,229
Tariff_Share_Covered	,190	,355	,375	-,305
Export_Support_Share_Covered	,337	,124	,736	-,105
Consumption_as_%_of_GDP	,103	,587	-,604	,024
Orientation_on_China	-,166	,113	,674	,179
Market_Concentration	-,323	-,012	-,055	,769
Orientation_on_USA	,116	,223	,099	,743

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

Метод вращения: варимакс с нормализацией Кайзера.

а. Вращение сошлось за 9 итераций.

Рисунок 6. Повернутая матрица компонент для отобранных показателей. Источник: составлено автором.

4 параметра, получившиеся по итогам факторного анализа, были объединены в индекс торгового аспекта геоэкономической фрагментации. Коэффициенты перед параметрами были расставлены в соответствии с их вкладом в долю объясненной дисперсии. Таким образом, итоговая формула индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации выглядит следующим образом:

$$Index = \sum_{i=1}^n \frac{\sigma_i^2}{\sigma^2} \times I_i$$

где:

n – количество исходных параметров (в данном случае 4)

σ_i^2 – доля дисперсии, объясненная i -параметром

σ^2 – суммарная доля совокупной объясненной дисперсии

I_i – значение i -параметра.

Для приведения индекса к значениям в интервале от 0 до 1 исходные данные показателя были преобразованы по формуле:

$$Index = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)}$$

В результате описанных выше операций каждой стране из выборки для каждого года с 2008 по 2022 было присвоено значение индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации, варьирующееся в интервале от 0 до 1 и иллюстрирующее уровень отклонения страны по показателю фрагментации от среднемирового в целом за данный период времени. Топ-10 стран по среднему значению индекса с 2008 по 2022 год вместе с показателями 4 исходных факторов, из которых индекс был сформирован, представлены в таблице ниже:

Страна	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Индекс
США	2,0	1,9	1,4	2,9	0,9
Китай	0,8	0,7	4,8	1,0	0,8
Канада	1,2	0,8	0,5	3,9	0,7
Мексика	1,1	0,4	0,3	3,8	0,7
Великобритания	1,7	0,7	0,4	-0,1	0,6
Италия	1,9	0,5	0,2	-0,3	0,6
Германия	1,9	0,1	0,8	-0,3	0,6
Испания	1,8	0,4	0,4	-0,4	0,6
Франция	1,8	0,3	0,3	-0,3	0,6
Бразилия	0,1	1,7	0,9	-0,3	0,5

В первую очередь следует отметить, что США и Китай, действительно, характеризуются наибольшим уровнем торгового аспекта геоэкономической фрагментации в период с 2008 по 2022 г., демонстрируя наиболее высокие значения факторов, ответственных за поляризацию мировой экономики. Следом идут Мексика и Канада, что во многом также объясняется их ориентированностью на Соединенные Штаты и в определенной степени зависимостью от них в международной торговле. Присутствие стран ЕС среди государств с наибольшим уровнем торговой фрагментации связано с высокой значимостью региональной торговли, что может ограничивать их возможности либерализации за пределами Европы. Наличие Великобритании в данном списке объясняется, во-первых, значимостью для нее региональной торговли с ЕС даже после выхода из Союза, а, во-вторых, высоким относительно других европейских стран значением общего уровня нарушения торговых связей, что в свою очередь является непосредственным результатом брексита. Бразилия располагается на 10 месте также в связи с влиянием фактора нарушения торговых связей – в целом она характеризуется низкой долей торговли в ВВП.

Анализ динамики среднемирового значения индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации по годам свидетельствует о том, что в период с 2008 по 2022 гг. наблюдался тренд на рост данного показателя (Рис. 7). При этом значения данного показателя в рамках обозначенного временного отрезка характеризуется несколькими пиками: 2009 год – Мировой финансовый кризис, 2016 год – приход к власти Дональда Трампа на волне антикитайских настроений и последующая торговая война США-КНР с 2018 г., 2020 г. – пандемия Covid-19. Также следует отметить падение индекса в 2021 и 2022 г., что может быть связано с восстановлением торговли после пандемийного кризиса. Однако значение показателя торгового аспекта геоэкономической фрагментации в 2022 г. оставалось на уровне 2018 г., что свидетельствует об актуальности данного феномена.

Рисунок 7. Динамика среднемирового значения индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации с 2008 по 2022 год. Источник: составлено автором.

Таким образом, по результатам построения композитного индекса можно сделать вывод, что после 2008 г. торговый аспект геоэкономической фрагментации развивался, оказывая все большее влияние на мировую экономику. Несмотря на то, что целый ряд глобальных событий, таких как Мировой финансовый кризис и пандемия Covid-19, способствовали росту значимости фрагментации, в первую очередь США и Китай стали основными действующими лицами в рамках эволюции данного феномена, внося свой вклад в поляризацию международной торговли и оказывая влияние на действия большинства крупнейших игроков на рынке.

Влияние реализации концепции экономической безопасности в торговой политике США и Китая на процесс геоэкономической фрагментации

Ведущая роль в дестабилизации процесса интеграции глобальных торгово-экономических связей торговой политики США и Китая и, в частности, проблематики в ней концепта экономической безопасности подтверждается анализом среднего уровня торгового аспекта геоэкономической фрагментации по странам в 2008-2022 гг., приведенным выше. Однако, учитывая масштабное распространение фрагментации, также можно ожидать, что все большую роль в ее нарастании будут играть остальные страны в рамках глобальной экономики, лишь косвенно затронутые конфликтом Соединенных Штатов и Китая. В связи с этим представляется уместным сказать о возникшей в последние годы тенденции к некоторому снижению значимости США и КНР для эволюции феномена геоэкономической фрагментации.

Рассматривая динамику показателя индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации, можно прийти к выводу, что данное суждение подтверждается лишь частично (Рис. 8). Действительно, если сравнивать среднее значение индекса для США и Китая (вместе) со средним значением для остального мира, то можно заметить, что наименьшая разница между ними достигается на начальном этапе фрагментации – во время Мирового финансового кризиса (значение, равное 0,398). Таким образом, в данный период вклад Соединенных Штатов и КНР в развитие данного феномена был наименьшим, в то время как остальные страны играли более значимую роль в сравнении с последующими годами рассматриваемого периода. Это объясняется тем, что во время глобального кризиса фрагментация начинает носить всеобщий характер, влияя на действия всех наиболее значимых государств мировой экономической системы и меньше подвергаясь влиянию политики отдельных государств.

Однако после кризиса разрыв в уровне торгового аспекта фрагментации между двумя гегемонами и остальным миром начинает расти, достигая своего пика в 2017 г. (значение, равное 0,506) вместе с приходом к власти в Соединенных Штатах Дональда Трампа, что согласуется с ростом глобальных протекционистских настроений, сформировавшихся в тот период. При этом следует отметить, что непосредственно после начала торговой войны (2018 и 2019 год) разрыв между США-КНР и остальным миром начинает сокращаться, то есть вклад остального мира в нарушение торговых связей начал расти. Данная динамика свидетельствует о том, что торговая война, действительно, с одной стороны, стала пиком геоэкономической фрагментации, а, с другой, поспособствовала ее распространению на глобальном уровне. Это произошло как за счет политики принуждения со стороны Соединенных Штатов и Китая в отношении своих торговых партнеров с целью подорвать конкурентоспособность второй стороны конфликта, так и за счет роста скептического отношения в других регионах к торговой политике США и КНР, что вело к развитию протекционистских взглядов уже в странах, непосредственно незадействованных в торговой войне.

Кроме того, несмотря на уменьшение разницы в уровнях фрагментации в данный период, отмечается, что Соединенные Штаты продолжали значительно расти в индексе, а замедление роста среднего для США-КНР обусловлено некоторым падением индекса в этот отрезок времени для Китая. Это является доказательством высказанного ранее предположения о том, что в торговой войне политика Китайской Республики была в основном реактивной, а инициатива исходила от Соединенных Штатов. Кроме того, меньший вклад КНР в развитие фрагментации во время торговой войны по сравнению с Соединенными Штатами, вероятно, также объясняется стремлением Китая компенсировать утрату американского рынка через диверсификацию торговых потоков, что могло привести к частичной либерализации. Однако, начиная с 2020 г., уровень торгового аспекта фрагментации Соединенных Штатов и Китая относительно остального мира (разница между США-Китай и остальным миром без США и Китая) опять начал расти, достигнув нового пика (значение, равное 0,523) в 2022 г. в основном за счет падения среднего уровня индекса у остального мира. Данные изменения могут быть связаны с политикой США при администрации Джо Байдена по налаживанию отношений с традиционными партнерами в лице ЕС, Японии и Южной Кореи, что привело к снижению популярности протекционизма среди политиков в данных странах, изначально вызванного торговой войной. Согласно результатам анализа в 2021 и 2022 гг. индекс фрагментации у этих стран снижался именно из-за падения значений фактора общего нарушения торговых связей, что говорит об их частичном восстановлении (Рис. 9). В то же время, как уже было сказано в рамках данного исследования, стратегия френдшоринга во многом направлена на поляризацию международной торговли и подрыв отношений Китая с их торговыми партнерами, в связи с чем в долгосрочной перспективе можно ожидать нового витка роста торгового аспекта геоэкономической фрагментации для остальных стран мира.

Рисунок 8. Динамика индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации с 2008 по 2022 год. Источник: составлено автором.

Рисунок 9. Вклад факторов в развитие индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации для стран ЕС, Японии и Южной Кореи вместе с 2008 по 2022 год. Источник: составлено автором.

Таким образом, проблема экономической безопасности в рамках отношений США-Китай в значительной степени способствовала разрушению торговых связей сначала между этими двумя странами, а затем оказала влияние и на политику остальных государств в международной торговле, сформировав геоэкономическую фрагментацию как глобальный процесс. При этом, несмотря на то, что в период с 2018 по 2020 г. вклад Соединенных Штатов и КНР в развитие данного феномена действительно стал постепенно сокращаться, а у остального мира увеличиваться, в 2021 и 2022 гг. ограничительная политика двух гегемонов в отношении друг друга снова стала расти в значимости в рамках фрагментации мировой экономики. Вместе с тем в среднесрочной и долгосрочной перспективе в связи с активизацией Соединенными Штатами стратегии френдшоринга можно ожидать, что остальные страны Европы и Азии начнут играть все большую роль в эволюции феномена геоэкономической фрагментации.

Заключение

Геоэкономическая фрагментация сегодня является одним из основных глобальных процессов, формирующих ландшафт мировой экономики в целом и международной торговли, в частности. Данный феномен стал в значительной степени следствием Мирового финансового кризиса 2008 г. и вызванной им волны антиглобалистских и протекционистских настроений, подпитываемых всеобщим разочарованием в концепте экономической взаимозависимости государств и многосторонней системе. Фрагментации несомненно способствовало ослабление многосторонней системы (ВТО), сопровождающееся появлением мегарегиональных торговых соглашений и углубленных торговых соглашений нового типа.

Однако поворотным моментом и катализатором геоэкономической фрагментации в ее современном виде стало торговое противостояние Соединенных Штатов и Китая, причиной которого явилось неприятие Вашингтоном растущего влияния КНР в мире и перспективы формирования неоднполярной глобальной экономики как экзистенциальной угрозы

американской национальной, а также в значительной степени экономической безопасности. При этом начало введения ограничительных мер со стороны двух гегемонов в отношении друг друга также спровоцировало цепную реакцию разрушения торговых связей в остальном мире, вызвав предпосылки частичной деглобализации.

В контексте данных изменений все более значимую роль стали играть современные формы протекционизма в виде субсидий и ограничений на экспорт и импорт, зачастую направленные не только на поддержку национальных производителей, но и на подрыв конкурентоспособности государств-оппонентов в рамках международной торговли. Как следствие, развитие регионального партнерства начало носить дискриминационный характер, дестабилизируя интеграционные связи и глобальные цепочки добавленной стоимости. В то же время продолжилась эскалация экономического противостояния США-КНР, несмотря на положительные ожидания от прихода к власти в Соединенных Штатах в начале 2021 г. администрации Джо Байдена.

Итоги проведенного исследования позволяют оценить динамику трансформации феномена геоэкономической фрагментации в период с 2008 по 2022 г., а также рассмотреть вклад фактора экономической безопасности в рамках торгового противостояния Соединенных Штатов и Китая в указанный отрезок времени.

Исходя из авторского определения геоэкономической фрагментации, был сделан вывод, что торговая фрагментация росла в значимости для мировой экономики в исследуемый период. США и КНР действительно показывали наибольшее отклонение от среднемирового уровня торгового аспекта геоэкономической фрагментации, являясь ключевой движущей силой ее эволюции. При этом с 2018 по 2020 г. наблюдалось увеличение вклада остального мира в развитие данного феномена, что подтвердило предположение о том, что торговая война окончательно сформировала геоэкономическую фрагментацию как глобальный процесс. В то же время в 2021 и 2022 гг. уровень фрагментации в остальных странах стал падать относительно США и Китая, что может быть связано с политикой американского френдшоринга. Однако в долгосрочной перспективе подобная политика может вести к поляризации мировой экономики и росту влияния на данный процесс тех стран, на которые стратегия френдшоринга направлена.

В связи с этим актуальным становится вопрос путей преодоления негативных последствий, связанных феноменом фрагментации. Во-первых, рассуждая о способах купирования рисков, вызванных фрагментацией, следует уделить внимание новой роли, которая должна быть отведена международным институтам. Растущая популярность современных форм протекционизма, включающих экспортные меры и субсидии, а также тот факт, что все чаще они используются в качестве рычагов экономического принуждения, диктует необходимость восстановления в полном объеме функции ВТО по разрешению споров и реформирования ее регуляторной базы с учетом современных тенденций в международной торговле и торговой политике, включая рост значимости геополитического начала при разработке и введении тех или иных торговых мер.

Учитывая результаты проведенного анализа, согласно которым торговый аспект геоэкономической фрагментации растет в значимости не только для США и Китая, но и для остального мира, важно также рассматривать возможности изменений в распределении квот в таких международных институтах, как МВФ и ВБ, а также, возможно, пересмотреть преференции ряда развивающихся стран, полученные ими при присоединении к ВТО. Подобные меры могли бы снизить общие темпы фрагментации.

Неразрывно связанным с проблемой кризиса многосторонности является вопрос негативных последствий регионализации торговли. Согласно анализу индекса торгового аспекта геоэкономической фрагментации, регионализм стал одним из ключевых аспектов разрушения устоявшихся торговых связей сегодня. Представления об эффективности региональных сетей

соглашений как инструмента построения конкурентоспособной экономики зачастую ведут к развитию тренда на применение “дискриминационного регионализма”, а также усилению возможностей региональных гегемонов в продвижения своих интересов. В связи с этим важно, чтобы региональные соглашения становились более глубокими, подчеркивая при этом значимость дальнейшей интеграции с остальным миром. Для этого также требуется совершенствование регуляторной базы в данной сфере и особое внимание со стороны международных институтов, чтобы избежать создания региональных союзов, направленных на дискриминацию других участников торговой системы.

Наконец, перспектива продолжения и интенсификации противостояния Соединенных Штатов и Китая также является серьезным препятствием для восстановления торговых связей в будущем. В данном контексте стоит учитывать вероятность новых геополитических столкновений двух гегемонов, в частности, в зависимости от итога президентских выборов в США осенью 2024 г., а также в случае военных действий КНР на Тайване, что неминуемо привело бы к экономическому ответу со стороны США. В связи с этим остальным странам мира, как развитым в лице ЕС, Южной Кореи и Японии, так и развивающимся следует стремиться к диверсификации своих торговых потоков и снижению зависимости от обоих полюсов данного противостояния.

Источники

Калачигин Г.М. Коллапс Апелляционного органа как определяющий фактор будущего ВТО // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 3. С. 238–255. doi:10.17323/1996-7845-2021-03-11

Портанский А.П. Опасность фрагментации глобальной экономики нарастает // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19. № 2. (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2024-02-01

Antràs, P. De-globalisation? Global Value Chains in the Post-COVID-19 Age / P. Antràs. — Текст : непосредственный // In Central Banks in a Shifting World: Conference Proceedings : ECB Forum on Central Banking (Frankfurt, 11-12 ноября 2020 года). — [Б. м.] : European Central Bank, 2021.

Blanchard, E. J. What Global Fragmentation Means for the WTO: Article XXIV, Behind-the-Border Concessions, and A New Case for WTO Limits on Investment Incentives / E. J. Blanchard. — DOI 10.2139/ssrn.2439794. — Text : electronic // SSRN Electronic Journal. — 2013.

Edler J. et al. Technology Sovereignty: from demand to concept. – Perspectives-Policy Brief, 2020. — №. 02/2020.

Geo-Economic Fragmentation and the Future of Multilateralism / S. Aiyar, J. Chen, C. Ebeke [et al.]. — Washington, DC. : International Monetary Fund, 2023. — ISBN 9798400229046. — Text : direct

Geopolitical fragmentation and trade / R. G. Campos, J. Estefania-Flores, D. Furceri, J. Timini. — DOI 10.1016/j.jce.2023.06.008. — Text : electronic // Journal of Comparative Economics. — 2023. — Vol. 51, iss. 4. — P. 1289-1315.

Góes, C. The impact of geopolitical conflicts on trade, growth, and innovation / C. Góes, E. Bekkers. — Text : direct // WTO Staff Working Papers ERSD-2022-9, World Trade Organization (WTO), Economic Research and Statistics Division. — 2022.

Karavaeva, I. V. Economic security theory: stages of development and transition to a new reality / I. V. Karavaeva. — DOI 10.21686/2073-1051-2021-2-5-24. — Text : electronic // Federalism. — 2021. — Iss. 2. — P. 5-24.

Luttwak E. N. From geopolitics to geo-economics: Logic of conflict, grammar of commerce //The national interest. – 1990. – №. 20. – С. 17-23.

Porter, M. Competitive Advantage of Nations / M. Porter. — DOI 10.1002/cir.3880010112. — Text : electronic // Competitive Intelligence Review. — 1990. — Vol. 1, iss. 1. — P. 14-14.

Stiglitz, J. For Good Measure Advancing Research on Well-Being Metrics Beyond GDP / J. Stiglitz, J. Fitoussi, M. Durand. — Paris : OECD Publishing, 2018. — ISBN 9789264307261. — Text : direct.

The Global Dimensions of Macroprudential Policy / R. Portes, T. Beck, W. H. Buiter [et al.]. — DOI 10.2139/ssrn.3723330. — Text : electronic // SSRN Electronic Journal. — 2020.

Приложение

Приложение 1. Список стран, использующихся в рамках факторного анализа

Albania	Bermuda	Chile	Estonia	Hong Kong, China	Kenya	Mauritius	North Macedonia	Senegal	Togo
Angola	Bolivia	China	Ethiopia	Hungary	Korea, Rep.	Mexico	Norway	Serbia	Tunisia
Argentina	Bosnia and Herzegovina	Colombia	Fiji	Iceland	Kuwait	Moldova	Pakistan	Singapore	Turkey
Armenia	Botswana	Costa Rica	Finland	India	Kyrgyz Republic	Mongolia	Paraguay	Slovak Republic	Uganda
Aruba	Brazil	Croatia	France	Indonesia	Latvia	Montenegro	Peru	Slovenia	Ukraine
Australia	Brunei	Cyprus	French Polynesia	Ireland	Lebanon	Morocco	Poland	South Africa	United Arab Emirates
Austria	Bulgaria	Czech Republic	Georgia	Israel	Lithuania	Namibia	Portugal	Spain	United Kingdom
Azerbaijan	Burkina Faso	Denmark	Germany	Italy	Luxembourg	Nepal	Qatar	Sri Lanka	United States
Bahrain	Cabo Verde	Dominican Republic	Greece	Jamaica	Macao	Netherlands	Romania	Sweden	Uruguay
Belarus	Cambodia	Ecuador	Greenland	Japan	Madagascar	New Zealand	Russian Federation	Switzerland	Vietnam
Belgium	Canada	Egypt	Guatemala	Jordan	Malaysia	Nicaragua	Rwanda	Tanzania	Zambia
Belize	Central African Republic	El Salvador	Honduras	Kazakhstan	Malta	Niger	Saudi Arabia	Thailand	Zimbabwe

Приложение 2. Значение Критерия КМО для отобранных показателей

КМО и критерий Бартлетта

Мера адекватности выборки Кайзера-Майера-Олкина (КМО).		,603
Критерий сферичности Бартлетта	Примерная Хи-квадрат	6637,648
	ст.св.	66
	Значимость	,000

Приложение 3. Объясненная отобранными показателями совокупная дисперсия

Объясненная совокупная дисперсия									
Компонент	Начальные собственные значения			Извлечение суммы квадратов нагрузок			Ротация суммы квадратов нагрузок		
	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %	Всего	% дисперсии	Суммарный %
1	2,960	24,671	24,671	2,960	24,671	24,671	2,399	19,994	19,994
2	2,071	17,260	41,931	2,071	17,260	41,931	2,126	17,715	37,709
3	1,494	12,447	54,377	1,494	12,447	54,377	1,763	14,694	52,403
4	1,171	9,760	64,138	1,171	9,760	64,138	1,408	11,734	64,138
5	,986	8,221	72,358						
6	,808	6,733	79,091						
7	,730	6,079	85,170						
8	,541	4,510	89,681						
9	,438	3,653	93,334						
10	,352	2,934	96,268						
11	,276	2,296	98,564						
12	,172	1,436	100,000						

Метод выделения факторов: метод главных компонент.

US-China: economic security factor amplifies geo-economic fragmentation

Vladimir Kuzmin - Master of the Faculty of World Economy and World Politics, National Research University Higher School of Economics; Malaya Ordynka Str., 17; 119017, Moscow, Russian Federation; vlmrkuzmin@gmail.com

Alexey Portanskiy – PhD, Professor of the Faculty of World Economy and International Affairs, Higher School of Economics; Leading Researcher, IMEMO RAS. 17 Malaya Ordynka Str., 119017, Moscow, Russian Federation; aportanskiy@hse.ru

Abstract

The trade confrontation between the United States and China has formed the phenomenon of geoeconomic fragmentation as a disruption process of existing trade and economic ties between states, which began as a result of the 2008-2010 Global financial crisis. However, the problems arising in connection with the evolution of this phenomenon, its possible forms and consequences for the economic world order remain poorly understood. The goal of this study is to assess the influence of the economic security factor in the trade policy of the United States and China on the formation of the geoeconomic fragmentation phenomenon, as well as to assess the dynamics of this phenomenon development outside the framework of the confrontation between the United States and China.

In the course of this study, the procedure for constructing a composite index was used to formalize the trade aspect of geoeconomic fragmentation. The data selected within the framework of the research methodology contain trade indicators for 120 countries from 2008 to 2022.

Ultimately, we conclude that the economic security factor in the US and Chinese trade policies has indeed become a catalyst for geoeconomic fragmentation, and despite its declining influence on this process between 2018 and 2020, the rest of the world continues to play a smaller role in its evolution and development. Finally, this study is expected to contribute to a better understanding of the geoeconomic fragmentation concept and draw the attention of policymakers and economists to the need to reform multilateral institutions in light of the global integration process destabilization.

Key words: world economy, deglobalization, economic fragmentation, economic security, U.S., China

References